

Иван КУЗМИЧЕВ

ПОСТУПЬ ИМПЕРИИ

Поступь империи

Право выбора

Мы поднимем выше стяги!

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К89

Серия «Коллекция. Военная фантастика»
Выпуск 63

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Кузмичев, Иван Иванович

К89 Поступь империи: Поступь империи. Право выбора. Мы поднимем выше стяги!: сборник / Иван Кузмичев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 832 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-161302-0

Тысяча семьсот седьмой год только начался. Русские войска бьются со шведами, убивают, гибнут, защищая Отечество. В Русском царстве неспокойно, а порой и страшно: постоянные бунты на окраинах огромного государства, набеги крымских татар чуть ли не каждой весной.

Молодой, лишенный отцовского внимания и заботы царевич Алексей находится под опекой светлейшего князя Меншикова, столь же деятельного, как государь, и при этом почти не обращающего внимания на сына своего господина.

Так случилось, что очередной поход в баню закончился для царевича странной потерей сознания, после чего очнулся он не таким, каким был еще несколько дней назад. В теле молодого наследника будущей великой империи оказывается наш современник Иван Пестерев, погибший от удара шаровой молнии.

Какой путь избрать отныне молодому человеку: остаться прежним Алексеем, в котором разочаровался отец, или же выбрать трудный, опасный путь преобразований, продолжая дело Петра Великого?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-161302-0

© Иван Кузмичев, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Поступь империи

Кто к знамени присягал единожды, тот у одного
и до смерти стоять должен.

Петр Великий

Пролог

*Пробуждение
Иван Пестерев*

Бывало, что утром голова раскалывается, а поводов нет? Да так сильно, что хочется открутить ее к такой-то матери?

Сейчас, именно в эту секунду в голове — пульсирующая боль, от которой не убежишь и не спрячешься. И хочется кричать, да горло сипит и не более; пытаешься сжать виски, но руки не слушаются. А вдалеке, словно в насмешку, размытое ощущение неги. Появится — исчезнет. Вокруг тьма. Потерян счет времени...

Безумие, как удав вокруг очередной жертвы, медленно обволакивает остатки разума, но чувствую: гаснут одна за другой искры чистого и светлого. Все поглощено мраком кроме одной самой яркой искры. За нее держусь, не даю окончательно раствориться.

Борьба продолжается до тех пор, пока ощущение неизбежности не перестало довлеть. То ли упорство, то ли случай помогли, но в какой-то момент тьма просто исчезла. Удав не получил в этот раз очередную жертву, но чувствую: не ушел, он просто выжидает, притих, выискивая малейшую брешь в обороне разума.

Голова перестала болеть, руки моментально коснулись лица, а свежий, чистый глоток воздуха сквозь стиснутые до скрежета зубы оживил горящие огнем легкие, неприятно прокатившись по всему телу.

«Сон!» — мелькнула радостная мысль. Своя кровать, мягкая и удобная. После пережитого тело ноет, как после двухчасового кроссфита. Однако глаза упорно не желают открываться. Поворачиваю голову...

«А-а-а! Сука! Да в чем дело?!» От мозжечка до копчика простреливает так, будто позвоночник решили встряхнуть и скру-

тить одновременно. Ору что есть силы. Да толку никакого: из горла лишь тихое сипение, и только.

Мысли, словно проржавевшие шестеренки, со скрипом сменяют одна другую. Что случилось? Где я? Почему никого нет?

Легкий сквознячок, пронесшийся по лицу, моментально сдул из разума намеки на анализ ситуации. Через секунду слышу легкую поступь шагов, но по-прежнему не вижу идущего. Силось повернуть голову, да толку: боль и гудящая голова — все, чего добился ненужным порывом.

Между тем кто-то приблизился к кровати. Неизвестные обсуждали мое состояние, кто-то из них даже потрогал липкой рукой мой лоб. Постепенно спор перерос в выяснение отношений. Причем говорили спорщики на странном ломаном русском, из десятка слов хорошо если тройку могу разобрать.

Однако стоящие надо мной люди не унимались, их «шепот» был прекрасно слышен, однако разобрать их слова я так и не смог, просто не улавливал смысл.

— Господа...

В горле сильно саднило, да так, будто я три дня питался льдом, сидя в холодной ванне.

— Да, Алешка? Ты только скажи, мы сразу исполним, — тихо донесся откуда-то справа чей-то искренне переживающий голос.

— Почему я ничего не вижу? — кое-как просипел я.

— У тебя была лихорадка, — ответил другой голос.

— А при чем здесь мои глаза? — недоуменно спрашиваю я. Насколько мне известно, при данной болезни с глазами проблем быть не должно.

— Дня два назад у тебя начали сильно слезиться глаза, даже в полутьме появлялись слезы, поэтому дохтур Бидлоо сделал повязку на глаза.

— Понятно. Долго я тут лежу?

Станный говор все больше и больше начинал меня смущать, даже неопределенность, мучающая меня, отошла на второй план.

— Уже вторая неделя пошла, царевич...

— Кто я?

Мне показалось? Это обращение...

— Царевич, — недоуменно ответили несколько голосов. — Алешка, неужто ты не помнишь ничего?

— Ничего не помню, да и не понимаю тоже ничего, — отвечаю я честно.

Никаких воспоминаний о последних днях у меня нет, словно их аккуратно стерли, но вот почему-то была уверенность, что царевичем я не мог быть точно. Я не понимал, что такое случилось и где вообще нахожусь. Одно мне было известно точно: здесь что-то не так.

«Так, надо собраться с мыслями и подумать. Что я делал вчера? Блин, прошло же две недели! Что же такого начудил-то? Черт! Помню, госы были, назначение в какую-то глушь помню. А что же дальше?» Стараюсь собрать все мысли в кучу, но ничего не получается.

Наконец в голове возникают разрозненные картины недавних событий...

Черный небосвод прорезают десятки голубых молний. Мой экспресс несется в ночи. Вокруг поезда бушует разъяренная стихия. Я сижу в купе, устало наблюдая за очередной вспышкой молнии, распоровшей темную завесу, хлещущую идущий поезд. Вот уже пара часов, как мне не удается заснуть, с самого начала этой грозы. Говорят, что одиночество — плохой советчик, особенно в такие минуты. Быть может, если бы я ехал в купе не один, то не совершил бы этого нелепого, глупого поступка?

Я одеваюсь и выхожу в тамбур, для того чтобы поближе посмотреть на разбушевавшуюся стихию. Когда-то давным-давно я любил смотреть на ярость стихии, на завораживающие росчерки молний, на клонящиеся к земле верхушки берез, горизонтально падающие капли ледяной воды. Да, давно это было. Так почему бы вновь не вспомнить то чувство трепета перед мощью природы?

Свежая прохлада ворвалась в затхлую железную коробку, несущуюся неведомо куда и зачем.

— Хорошо-то как!

Делаю глубокий вдох, закрываю за собой дверь в вагон.

Белые рваные линии молний появились особенно близко, ослепив меня на пару секунд. По лицу стегнули холодные капли дождя. Проморгавшись, я увидел перед собой шипящий ярко-оранжевый клубок электрического разряда. Замерев в полуметре от моего носа, он медленно закружился вокруг своей оси.

— Ничего себе апельсинчик, — изумленно выдохнул я, глядя на первую в своей жизни шаровую молнию.

Вспышка! Сознание медленно меркнет...

Глава 1

*Февраль 1707 года от Р. Х.
Дорога Москва – Суздаль*

Где-то за стеной завывает зимняя вьюга, мириады яростных льдинок бьются в ставни. Пара лучин горит неровным от сквозняка пламенем. Ветхая крыша поскрипывает от силы стихии.

«Где это я? Помню, что на поезде ехал, но не останавливался в таких лачугах...»

Вокруг легкий полумрак, одна из лучин уже потухла. Красное пятнышко на фоне угла медленно меркло. В недоумении продолжаю осмотр комнаты. Топчан с соломой подо мной, кривенький стол с парой мисок неясной формы да лавка посередине комнаты. В стене небольшая выемка, видимо, для окна — мелкого, чуть больше ладони.

«Вот черт! Где же я? Ну не в деревне же! Да и шум этот достал уже! Завывает как зимой, а ехал я в июле. Чертовщина, японна мама».

Так и не определив, что происходит, решаю обследовать комнату лично, а там, глядишь, и вовсе выйти из нее. Стоило vybrаться из-под одеяла, роль которого выполняли лоскуты серых шкур, сшитых в один кусок, мигом стало зябко, полчища мурашей в один миг пробежали по спине. Чуть ниже — странное чувство свободы. Нижнего белья нет...

Рядом с кроватью никакой верхней одежды не обнаружил. Обследовать комнату нагишом не хочется. Лучше подожду появления хозяев, глядишь, и остальное все прояснится.

А время шло, никто не появлялся. Никаких шумов, кроме завывания ветра за бревенчатой стеной, не слышно.

Под аккомпанемент природы повторно задремал, не дождался хозяев дома.

— Эй, Ермолка, скорей подгоняй скотинку, а то боярыч замерзнет — с нас старая Аглая шкуру на лоскуты порвет! — произнес кто-то басом рядом со мной.

Завываний вьюги нет, только снизу поскрипывает порой, да и постель подо мной немилосердно качается, словно колыбель.

— Лексей Борисович, и так уже с ног падаю, не могу больше... — взмолился молодой голос, шумно дыша от усталости.

— Но, родимая! — Хлесткий щелчок, и кровать дернулась чуть сильнее, чем прежде. — Смени меня, лентяй. Учись, как надо.

Чему следует учиться уставшему пареньку, так и не узнал. Сознание резко помутнело, свет померк. Тишина окутала лебяжьими перинами.

В следующий раз очнулся на мягкой кровати, куда приятнее той, что была до этого. Вылезать не хочется. Оглядываюсь по сторонам. На стенах пара светильников, чадающих в закопченный потолок. Комната заметно больше первой, да и опрятнее, на полу лежат шкуры животных. Выползаю из-под толстого одеяла, на теле смешная пижама. Около двери сапоги стоят. Не кирзачи, но странные. Непонятные.

Староверы, что ли, к себе прибрали? И зачем, спрашивается? А, ладно. Пока ничего не знаю, догадки строить не следует, только глупости придумую...

Так, стоп, а где, спрашивается, та троица?! Не померещилось же мне все это?! Алешка-царевич какой-то, опять же. Шутки, конечно, люблю, но не такие жесткие. Хотя разберемся — авось и сам пошучу над кем.

В теле приятная расслабленность. Удивительно, но кушать не хочется, да и пить тоже. Однако стоило подумать об этом, как желудок недовольно уркнул, булькнул и требовательно заныл.

— Блин, не было печали, — недовольно цыкаю языком, оглядывая комнату в поисках одежды.

Убранство куда богаче прежнего. Тут тебе и миниатюрная лавка возле двери, пара покрытых лаком стульев с красивой резьбой, стол из какого-то темного дерева. На стене вовсе висит живописная картина с изображением гор и нескольких людей верхом на конях. В углу притулился небольшой шкаф, заставленный книгами в потертых переплетах. Вот, собственно, и все, что было в комнате. Хотя нет, в другом углу — самый настоящий красный угол! С иконами и свечами. Офигеть же. Давно я такого не видел, в деревнях разве что.

— Что ж, потерплю, не кисейная барышня, не умру от недоедания, должен же кто-нибудь появиться.

О медсестрах я больше и не вспоминал, больно уж диссонировала окружающая обстановка с привычной атмосферой обители последователей Гиппократов.

Лежать под одеялом — дело нехитрое, особенно если в комнате тепло и даже немного душно. Легкий полумрак способствует полудреме. Желудок то и дело взбрыкивает — просит, зараза, кормежки.

Минут через пять дверь приоткрылась. Вошел, пятась спиной вперед, немолодой мужчина с остриженной под горшок совершенно седой головой, в старинном платье. Примерно такое, какое показывали в фильме про Ломоносова, даже вон рюшечки с рукавов свисают. Забавно, чесслово.

— Батюшка милостивый, очнулся, хвала Господу!

Улыбка дядьки неожиданно больно кольнула сердце, ведь так могут улыбаться только дорогому человеку... Но знаю, что его не знаю!

— Извините...

Пытаюсь разобраться, в чем, собственно, дело, но вместо нормальной реакции, ожидаемой мной, вижу, как он падает на колени, чуть ли не стуча головой об пол.

— За что же ты так со мной, батюшка милостивый?! Чем прогневал тебя? Неужто неугоден стал, защитник ты наш? — с дрожью в голосе спрашивает дядька, того и гляди из глаз покатятся слезы обиды и отчаянья.

— Да что происходит? Чем обидел тебя? Я же не помню ничего, с самого поезда ничего не помню, а ты тут на колени падаешь...

— Прости меня, батюшка, прости сирого, недоглядел я за тобой, каюсь, Алексей Петрович, сердечно каюсь, нет мне прощения!

«Млин! Китайца тебе в охапку!»

— А ну прекрати! Отвечай по существу: что случилось?!

Старик вскочил с колен, легкая тень улыбки промелькнула на губах, и, тяжело вздохнув, заговорил...

Мол, я, Алексей Петрович, батюшка и защитник всех юродивых, решил поехать к матушке своей, Евдокии Федоровне, в монастырь. Почему она там и вообще кто это такая, не понял. Дальше вообще странности одни. Оказывается, со мной поехали друзья: братья Кольчевы, Нарышкины, пара духовных лиц во главе с протопопом Верхоспасского собора Яковом Игнатьевым

и несколько слуг. Что, собственно, вся эта толпа делала рядом, также непонятно. Да плевать, самое интересное в ином — вернуться мы должны были в начале февраля!!!

«Какой февраль, твою мать?! Сейчас июль на дворе должен быть!» — едва не закричал я. Хорошо вовремя прикусил язык.

Тут сразу вспомнились завывания вьюги, морозный ветер, поскрипывание кровати, а вернее полозьев... Все странное и непонятное сплелось в узел, разрубать который ой как не хочется, а распутать нужно. И чем скорее, тем лучше.

Между тем история продолжалась.

Вся компания отправилась в суздальский Покровский монастырь. Пробыли в гостях неделю, затем отправились обратно. Гонца в Преображенское отправили сразу. Но затем, когда сроки нашего прибытия перешли все мыслимые границы, а нас все не было, отправили слуг с собаками и плутонг солдат в придачу. Прямо по пути, по которому мы возвращаться должны были.

Все бы ничего, да только одно подворье боярина Хлощина нашли сожженным дотла, людишек разбойного вида рядом и пару саней с богатым убранством. Надо ли говорить, что в том месте перевернули каждый камень, обошли все сосны. А найти царевича не смогли. Как, впрочем, и дружков, что в путь со мной отправились.

Не зная, что делать, поисковая команда проследила весь путь от монастыря до Преображенского, но следов больше не нашли. Однако через пару недель после пропажи нашей компании в ворота дворца постучал мужик с молодым парнишкой. В их санях лежал царевич Алексей. Я то есть.

Сами спасители куда-то пропали во время поднявшейся радостной суматохи. Их даже запомнить не получилось.

Три дня подряд шли службы в местных церквах, били в колокола и восхваляли милость Божью. О пропавших сотоварищах никто не вспоминал. Разве что их родичи, да и те, по-видимому, не могли придумать ничего лучше, как отслужить по ним службу за упокой...

— Достаточно, — негромко говорю старику. — Как зовут тебя, мил человек? Не помню ничего.

«Если все это шутка, то очень грамотно построенная шутка, если же нет и я правда какой-то царевич, да еще к тому же Алексей Петрович, то... — В голове тревожно щелкнуло, неприятная идея забрезжила на грани сознания. — То это полная опа!»

— Никифор я, батюшка, помощник ныне пропавшего Еварлакова, — поклонившись, представился старик. — Получается, что домоправитель новый.

— Домоправитель — это хорошо, — киваю ему. — Это замечательно, потому что очень хочу есть. Никифор, надеюсь, не дашь умереть от голода... царевичу? — пробуя на вкус новое слово, интересуюсь у старика, мысленно прикидывая, проколется он или нет.

Не прокололся, лишь улыбнулся и, как заправский фокусник, поставил на небольшой столик перед моей кроватью глубокую серебряную тарелку с ароматным бульоном.

— Спаситель, ей-богу, спаситель!

Сглатываю вязкую слюну. Никифор передал деревянную ложку. Желудок утробно рыкнул, требуя свое. Не медля, перебрасываю ноги на пол. Беру горячую тарелку и, обжигаясь, шумно хлебаю бульон.

Также Никифор поставил на стол тарелку с маленькими булочками, небольшой поднос с жареной птицей и пустой кубок, рядом с которым оказался серебряный кувшин с широким горлом.

— Что это? — киваю на кувшин.

— Сбитень.

Никифор между тем наполнил кубок, достал белое полотенце и замер рядом со столом. Не привык я есть, когда на меня человек в упор смотрит. Оно, конечно, и в солдатской столовой не сахар, да ведь там народу тьма, пережить можно, а тут...

— Никифор, расскажи: что без меня произошло, что в царстве нашем делается? — спрашиваю домоправителя, отрывая бедро птицы. — Ведь получается, что месяц без памяти был.

— Да почти ничего и не произошло, батюшка. Его величество Петр Алексеевич в граде своем новом навигации дожидается. Бояре наши тоже службу несут, вскорости приказы государевы исполняют, как и всегда, — кланяясь, ответил Никифор.

— Ну да, как всегда, как еще может быть... — задумчиво повторяю, медленно пережевывая жесткое мясо. — Принеси одежду и лохань какую-нибудь. Умыться надо.

— Как изволите, батюшка.

Никифор ушел, плотно прикрыв за собой дверь. В комнате натопили знатно, но тело все же пробивал легкий озноб. Видимо, умудрился заболеть. Если правильно понимаю ситуацию, то сейчас начало восемнадцатого века. В это время обычная простуда уносила столько жизней, что иным войнам и не снилось.

Между тем за окном поднималась заря, приятно освещая все розовыми тонами: проснулся рано. На краю разноцветного стекла переплетаются созданные морозом узоры, причудливо сочетающие в себе дикую красоту хаоса и гармонию природного изящества.

День предстоит насыщенный, особенно если учесть, что ничего не знаю об окружающей обстановке, мире, да и себе прежнем. Другое дело, что паники и мандража нет в помине, будто все происходящее в порядке вещей. А может, сплю до сих пор? Эдакий летаргический сон, вот и мерещится мне всякая хрень. Нет, не похоже, слишком все реалистично.

Размышлять над проблемами времени не было, Никифор вошел в сопровождении пары служанок, несущих в руках одежду: камзол, штаны и рубаху. Сам домоправитель нес черную широкополую шляпу.

Через десять минут мучений на мне оказались штаны чуть ниже колен, камзол (похожая на кафтан штуковина, только без обшлагов и боковых карманов), слегка укороченный и отлично сидящий по фигуре, алые чулки, кожаные ботфорты, галстук странной формы — и вот я готов к блужданиям по дворцу. Вот только епанчи-то у меня нет...

«Вот ведь задница! Откуда я все это знаю? И вообще, что такое епанча?» — с изумлением спрашиваю себя, стоя перед небольшим темным зеркалом с дефектными пятнами амальгамы. И тут же в голове как само собой разумеющееся проносится: «Епанча — просторный плащ с рукавами и пуговицами по борту...»

— Ничего себе, — едва слышно шепчу под нос.

— Вы что-то сказали, ваше высочество? — спросил Никифор, почему-то не применив «батюшки». Видимо, не та обстановка.

— Нет, все в порядке. Ступайте.

— Как изволите.

Кланяются и тихо уходят, не забыв прикрыть дверь.

Постоял пару минут, принаравливаясь к новой одежде и ботфортам. Хотя все было сделано специально на меня, однако душой чуждость вещей все-таки ощущалась: мол, родное, но что-то не то, непривычное.

— Эх, как ни прячься, а отсюда нужно выходить, не вечно же здесь сидеть, право слово. — Глубоко вздыхаю пару раз: вдох — выдох, вдох — выдох... — С Богом! Авось русское «авось» не подведет. По крайней мере, я на это искренне надеюсь...

*Март 1707 года от Р. Х.
Москва
Алексей Петрович*

Не успел все обдумать, как в голове словно переключили тумблер, включая что-то. Перед глазами опустилась едва видимая пелена, открывающая неясные картины. С каждым мгновением они будто листаются с возрастающей скоростью. Следом за какофонией изображений хлынул поток информации. Часть, найдя место, растворилась под напором новой, более нужной и полезной. И даже в таком состоянии прекрасно понимаю, что многое придется постигать самому, без помощи странной пелены!

Говорят, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Эта аксиома правдива и для нехороших событий в жизни. Не знаю, сколько времени прошло с момента «вливания» информации, но вот времени для усвоения потребуется в разы больше. Сложилось впечатление, что к голове подключили питание в пару киловольт и без зазрения совести пропустили через мозги. Причем никто не смог бы поручиться за то, что они в скором времени не вытекут из ушных раковин...

Легкий дурман заволок сознание, погружая в мир сновидений.

Вот пронеслась мысль о царевиче, следом — о Петре Первом. Не осознавая, в чем дело, докапываюсь до дна, ворошу, стараюсь запомнить как можно больше всего. Воспоминания какого-то человека начали тесно вплетаться в мои собственные (порой даже нельзя отличить одни от других), навечно связывая друг друга.

Царевич... «Да что такое-то? Ну не царский же я сын! — смеюсь угрюмо мыслям, только вторая половинка противится. — Или все же он?»

Легкая дрожь постепенно сошла на нет. Приходит осознание того, что неизбежно отгонялось все время: я в роли царевича — того самого, которого убил собственный отец. Пускай не своими руками, но сделано это было с его позволения точно. Да, именно Алексей, сын Петра Великого!

Но голова желает работать дальше, бросает в омут фантазий и желаний. А ведь каждый из нас мечтает оказаться в другом мире, быть не тем, кем является, примерить роль полководца или правителя! Так в чем дело? Пора поучаствовать в этом, раз уж судьба дала шанс!

После принятого решения с души сваливается тяжелый груз, неотвратно тянущий на дно забвения. Теперь могу выпрямиться во весь рост.

«Коли так, то пора и мозги напрячь, вспомнить, что в истории было».

Кое-что припоминается. Вроде Алексей намеревался устроить заговор, правда, это стало стопроцентно известно только после допроса царевича в семнадцатом году, а может, и в восемнадцатом — блин, не помню. Но вот в реальности дела видятся в ином свете. Исходя из тех воспоминаний, которые мне достались, оказывается, что царевичу уже не раз делали такие предложения. Конечно, не напрямую, но такие, что узнай царь-батюшка — и все! Всем участникам придет полный абзац.

«Интересно, что же такого там говорили Алексею купцы и бояре?» — пришла в голову неожиданная мысль.

И тут же, словно прекрасно все понимающий метрдотель, разум приоткрыл часть воспоминаний Алексея, показывая светлицу одного из богатых домов, где сидят три человека — в старинных одеяниях, с большими ухоженными бородами.

— ...Царевич, говорили тебе раньше и сейчас повторим: будь ты нашим царем. Много добра бы людям принес, не стали бы людишки тогда роптать, как ныне, — с неким укором сказал самый молодой из сидящих бояре.

— Я не могу идти против отца, — отвечает Алексей. — Батюшка мой...

— А никто и не зовет против царя идти, ты только встань во главе нас, твоих слуг преданных, а мы все сделаем, — вставил слово второй боярин, в бороде которого уже проявилась седина.

— Если государь узнает про это, не сносить мне головы, бояре. Бог милостив, но не батюшка, — перекрестившись, ответил царевич.

Следом за Алексеем перекрестились и бояре. Двумя перстами.

— Что ж, будем ждать, когда сам все поймешь, царевич, пусть и не сейчас, — сказал самый старший из троицы, тяжело вставая со своего места. — Вот только как бы поздно не было...

— Спасибо на добром слове, бояре, я подумаю...

«Ага, вот оно что, за такой разговорчик могут и к железному столу привязать, вгоняя под ногти раскаленные иглы. Нет, так

закончить не хочу! Жить — оно всяко лучше», — говорю себе. Но тут второе «Я» дополнило едва слышно: «Но не по-всякому жить-то...»

То, что реформы Петра не поддерживались большинством из прежнего боярства, а для населения Руси были вообще тягостны, знаю из истории. Но вот как это недовольство проявлялось, явилось новостью. Одно дело — читать, а совсем другое — видеть эти лица. Хотя не буду скрывать: недовольство вполне обосновано.

Мало того, заговорщики предлагают вернуть развитие Руси в старую колею. Глупцы! Не понимают, что Европа не станет просто смотреть на Россию и стоять в сторонке, не пытаясь отхватить кусочек-другой от огромного государства. Конечно, у нее и своих проблем хватает, но ведь лет через десять, если мне не изменяет память, году так в пятнадцатом, кое-кто из них может и провести «разведку боем». Хотя пара бояр понимают нужды перемен, но при этом хотят оставаться самобытными...

Что ж, с этим можно согласиться. Правда, Петру глубоко фиолетово на мнение зажиточных купцов и бояр. Государь, как говорится, закусил удила на почве европейских обычаев и западных традиций, часть которых с каждым годом все больше и больше переключивается на Русь. Конечно, это встретило ярое противодействие со стороны простого люда, да и не простого тоже. Будь моя воля, не стал бы так кардинально менять жизнь...

Я же теперь царевич! Ага, которому прочат место главы заговора, а точнее, марионетки, и который так основательно подорвал доверие отца, что и думать о чем-то большем, чем о пьянстве, у моего визави не хватило ума... Весело.

Но все же, почему нужен именно заговор? Можно ведь переговорить с некоторыми купцами да и намекнуть на то, что стоит поддержать царя в паре начинаний, а взамен выпросить льготы для себя. Все-таки люди дельные и предприимчивые, должны понимать, что проще содействовать царю и при этом делать все по своему пониманию. И в том, что они делают, их никто не может обвинить, ведь указы царя-то будут выполняться! Вот только как убедить купцов и бояр?

Да, задачка. Может, просто переговорить с ними по душам?

Бред, никто не воспримет всерьез человека, который не заслужил уважения, а я, увы, таковым пока и являюсь. Но надеюсь это положение дел исправить. Как? Вопрос другой, пока главное — подумать о том, какие аргументы предоставить заговорщи-